

С.В. Стахорский

Воланд

ВОЛАНД — центральный персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928–1940), дьявол, явившийся в «час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах», чтобы справить тут, в Москве, «великий бал сатаны»; ставший, как ему и полагается, причиной многих необычайных событий, которые произвели смуту в мирной жизни города и доставили немало беспокойства его обитателям,

В процессе создания романа образ Воланд играл ключевую роль. Этот персонаж был отправным пунктом художественного замысла, который затем претерпел множество изменений. Будущий роман о Мастере и Маргарите зачинался как «роман о дьяволе» (слова Булгакова из его письма «Правительству СССР», 1930). В ранних редакциях Воланд, еще не нашедший своего имени, называемый то герр Фаланд, то Азazel, был главным лицом, поставленным в центре повествования. На это указывают едва ли не все варианты названия романа, отмеченные в рукописях с 1928 по 1937 год: «Черный маг», «Копыто инженера», «Консультант с копытом», «Сатана», «Черный богослов», «Великий канцлер», «Князь тьмы» и др. По мере того как расширялась «даль свободного романа» (получила развитие «античная» линия, появились Мастер и Маргарита, а также многие другие лица), Воланд утрачивал функцию героя. В «окончательной» редакции он был оттеснен с главных ролей и стал тритагонистом сюжета, после Мастера и Маргариты, после Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата. Утратив верховенство в иерархии образов, Воланд тем не менее сохранил очевидное первенство с точки зрения сюжетного присутствия. Он участвует в пятнадцати главах романа, тогда как Мастер появляется только в пяти, а Иешуа лишь в двух главах.

Имя Воланд автор почерпнул из «Фауста» Гете: возглас Мефистофеля «Platz! Junker Voland kommt!» («Дорогу! — черт идет!»; перевод Н. Холодковского; сцена «Вальпургиева ночь»). Источником образа для Булгакова послужила книга М. Орлова «История сношений человека с дьяволом» (1904), а также статьи о сатане, о демонологии «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Литературная генеалогия Воланда весьма обширна. Среди его предшественников обычно называют Сатану Мильтона, Мельмота-скитальца Метьюрина; самый же близкий прообраз — Мефистофель трагедии Гете и оперы Гуно. (Ироническая идентификация Воланда как сатаны в разговоре между Мастером и Иваном Бездомным. Последний не смог распознать в «иностранце» дьявола, потому что никогда не слышал оперу «Фауст».) Если, однако, Мефистофель лишь «слуга великого Люцифера», то Воланд — главное лицо среди сил тьмы, сам Люцифер, принявший другое имя.

В изображении дьявола писатель использовал некоторые традиционные атрибуты, эмблемы, портретные описания: хромота, косоглазие, кривой рот, черные брови — одна выше другой, трость с набалдашником в виде головы пуделя, берет, лихо заломленный на ухо, правда, без пера, и проч. Тем не менее булгаковский Воланд существенно отличается от образов сатаны, запечатленных художественной традицией. Как показывают исследования, эти отличия усиливались от одной редакции к другой. «Ранний» Воланд был намного ближе к традиционному типу искусителя, ловца человеческих душ. Он совершал святотатства и требовал кощунственных действий от других. В «окончательном» варианте эти моменты исчезли. Своеобразно интерпретируется Булгаковым провокация дьявола. Традиционно сатана призван спровоцировать все темное, таящееся в душе человека, как бы разжечь его. Смысл провокаций Воланда — исследование людей, каковы они на самом деле. Сеанс черной магии в театре-варьете (классическая провокация) обнаружил в собравшихся там зрителях как дурное (алчность), так и хорошее, показав, что

милосердие иногда стучится в людские сердца. Последний вывод, убийственный для сатаны, булгаковского Воланда нисколько не уязвляет.

Мессир Воланд, как его почтительно именуется свита, состоящая из ломаки-регента Коровьева/Фагота, демона Азazelло, кота Бегемота и ведьмы Геллы, — отнюдь не бог-борец и не враг роду человеческому. Вопреки ортодоксальному толкованию, отказывающему дьяволу в истине, ибо «он ложь и отец лжи» (Иоанн, VII, 44), Воланд причастен к истине. Он безусловно различает добро и зло: обычно же сатана — релятивист, для которого эти понятия относительны. Более того, Воланд наделен властью наказывать людей за зло, ими совершенное; сам ни на кого не клеветает, зато карает клеветников и доносчиков.

На всем протяжении романа Воланд не пытается улавливать души. Не нужны ему и души Мастера с Маргаритой, к которым он проявил столько бескорыстного участия. Строго говоря, Воланд не дьявол (греч. *δίαβολος* значит «разбрасывающий»), понимаемый как злая воля, разъединяющая людей. Воланд решительно вторгается в судьбу Мастера и Маргариты, разлученных волею обстоятельств, соединяет их и находит им «вечный приют». Столь явное преступление дьявольских полномочий Булгаков обозначил в эпиграфе романа, взятом из «Фауста» Гете: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Философско-религиозным источником образа Воланда явилось дуалистическое учение манихейцев (III–XI вв.), согласно которому Бог и дьявол действуют в мире, выражаясь словами романа, каждый по своему ведомству. Бог повелевает горними сферами, дьявол распоряжается на земле, верша справедливый суд. На это указывает, в частности, сцена Воланда с глобусом, на котором тот видит все происходящее в мире. Следы манихейской доктрины явно обнаруживаются в диалоге Воланда с Левием Матвеем на крыше дома Пашкова. В ранней редакции решение судьбы Мастера и Маргариты поступало к Воланду в форме приказа, который приносил «неизвестный вестник», появившийся под шорох летящих крыльев. В окончательном варианте Левий Матвей передает просьбу наградить Мастера и его возлюбленную покоем. Два мира, света и тени, сделались, таким образом, равноправными.